ІЮНЬ

РАДУГА

1860.

ЖУРНАЛЪ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВЪ ѲЕОДОСІИ, ПРИ АРМЯНСКОМЪ ХАЛИБОВСКОМЪ УЧИЛИЩѢ

НА ЯЗЫКАХЪ: АРМЯНСКОМЪ, РУССКОМЪ И ФРАНЦУЗСКОМЪ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Подписка принимается: въ Ѳеодосіи — въ конторѣ типографіи армян. халиб. училища, въ Тифлисѣ у г. Р. Надирова, въ Константинополѣ у г. С. Эмгюзельяна.

№ 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

За годъ . . . . . 8 р. сер.
Одной армянской части . . . . . 6 » »
Одной русской съ французскою . 4 » » } съ перес.

Содержаніе: Армянскій епископъ Николай и армяне въ Польшѣ (*продолженіе*). — Чобанъ: Разсказъ изъ быта горскихъ татаръ въ Крыму (*окончаніе*). — Внутреннія извѣстія. — Обозрѣніе главнѣйшихъ событій внѣшней политики. — Смѣсь.

АРМЯНСКІЙ ЕПИСКОПЪ НИКОЛАЙ

и

АРМЯНЕ ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Переводъ съ армянскаго)

(Продолженіе)

Архимандритъ Хачадуръ сознавалъ силу своего противника, архіепископа Николая. Онъ зналъ, что по въ состояніи будетъ противиться ему, и потому, не желая быть хладнокровнымъ зрителемъ его низкихъ поступковъ, онъ удалился въ монастырь святаго Креста. Туда послѣдовалъ за нимъ и Николай, задумавъ, для совершеннаго исполненія своихъ коварныхъ замысловъ, какими бы-то ни было средствами склонить на свою сторону архимандрита Хачадура. И вотъ съ этимъ намѣреніемъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ приверженцовъ, онъ отправился въ монастырь св. Креста, приказавъ стражѣ слѣдовать за собою и по прибытіи на мѣсто окружить монастырь. «Если васъ спроситъ кто о причинѣ вашего прихода, сказалъ

онъ имъ, отвѣчайте, что вы присланы начальствомъ схватить какого-то шпіона, скрывающагося въ монастырѣ.» Тамъ, указавъ на солдатъ, окружавшихъ монастырь, онъ объявилъ архимандриту Хачадуру объ угрожавшей ему опасности, вызвался принять его подъ свое покровительство и уговорилъ ѣхать къ себѣ, гдѣ, какъ увѣрялъ его, онъ будетъ внѣ опасности. Архимандритъ Хачадуръ склонился на это предложеніе, и они вмѣстѣ отправились въ городъ. Дружное обхожденіе и вниманіе, какое оказывалъ ему Николай здѣсь, совершенно его обезоружило. Но скоро между нимъ и польскими монахами, подсылаемыми Николаемъ, стали возникать частыя пренія о догматахъ вѣры. Архимандритъ Хачадуръ никогда не сходился въ мнѣніяхъ съ своими противниками, при этихъ спорахъ. Но, видя наконецъ, что Николай не оставляетъ его въ покоѣ отъ своихъ іезуитскихъ происковъ, архимандритъ Хачадуръ призналъ лучшимъ возвратиться въ Эчміадзинъ,—и все видѣнное и слышанное разсказалъ тамъ католикосу Мойсею и всему братству. Львовцы, съ своей стороны, отправили вмѣстѣ съ архимандритомъ Хачадуромъ священника Симеона и еще какое-то, всѣми уважаемое лицо, поручивъ имъ передать католикосу обо всемъ, что они терпятъ отъ Николая, и просить его защиты. Сей миролюбивый патріархъ написалъ письма къ папѣ, королю польскому и львовскому католическому архіепископу, въ которыхъ подробно изложилъ участь армянъ въ Польшѣ и безчеловѣчные поступки архіепископа Николая, прося сжалится надъ ними и не оставлять ихъ безъ храмовъ Божіихъ. Отвѣтъ папы заранѣе можно было бы предугадать, ибо онъ долженъ былъ соотвѣтствовать мыслямъ и желаніямъ іезуитовъ. Онъ заключался въ слѣдующемъ: «Пусть львовскіе армяне, писалъ онъ, примутъ католическую вѣру. Пусть каждый армянинъ дастъ клятвенное обѣщаніе не признавать надъ собою власти своего католикоса или епархіальныхъ начальниковъ и покориться владычеству папы, тогда я прикажу возвратить имъ церкви.» Король польскій, вельможи и даже католическій архіепископъ, въ этомъ случаѣ, явили болѣе сострадания къ армянамъ, нежели ихъ епископъ Николай. Они приказали ему возвратить отнятыя имъ церкви народу, но іезуиты воспротивились имъ. Тогда Владиславъ, король польскій самъ, съ большимъ торжествомъ, отправился въ армянскую церковь, чтобы силою отнять у архіепископа Николая армянскіе церкви и вручить ключи отъ нихъ народу. Но архіепископъ Николай, узнавши о намѣреніяхъ короля, облачился въ ризу, взялъ чашу съ св: тайнами, и встрѣтилъ его у входа церкви. Такой смѣлый поступокъ Николая произвелъ на легкомысленнаго короля сильное впечатлѣніе, такъ что онъ возвратился изъ церкви, не предпринявъ ничего рѣшительнаго. Армяне, увидѣвъ, что и сама свѣтская власть не могла ничего сдѣлать Николаю, взяли рекомендательныя письма отъ короля Владислава и католическаго архіепископа и сами отъ себя отправили депутатовъ въ Римъ просить защиты у папы. Но Николай послѣдовалъ за посланными. Посредничество тамошнихъ іезуитовъ дало дѣлу такой оборотъ, что при изслѣдованіи его, папа нашелъ справедливымъ Николая и обвинилъ народъ. Тогда несчастные армяне, потерявъ послѣднюю надежду на избавленіе отъ тиранства Николая, съ грустію возвратились домой. Послѣ этого архіепископъ Николай гораздо смѣлѣе началъ дѣйствовать, утѣсняя народъ и принуждая его обратиться къ католичеству.

Такъ какъ тяжба съ народомъ стоила ему большихъ издержекъ, то чтобы пополнить ихъ, онъ тайно продалъ евреямъ за ничтожную цѣну многія церковныя вещи, взятыя изъ отнятыхъ у народа армянскихъ церквей. Армяне, узнавъ о такомъ святотатствѣ Николая, подали вновь на него жалобу королю, папѣ и католикосу; но никто не внялъ имъ. Король остерегался вмѣшиваться въ распри народа съ духовною властію, а папа опасался, что обличивъ злодѣянія архіепископа Николая, онъ потеряетъ этимъ всякую надежду на обращеніе армянъ въ католиковъ. Пока узналъ католикосъ Филиппъ о случившемся, пока онъ понялъ все возмутительное значеніе поступка Николая, для того, чтобы принять какія либо мѣры и успокоить народъ,—несчастнымъ обществомъ польскихъ армянъ овладѣли уныніе и отчаяніе.

Наконецъ львовскіе армяне, оставленные всѣми, пали къ ногамъ Николая—ихъ мучителя, умоляя его сжалиться надъ ними, не оставлять ихъ неутѣшными и не лишать ихъ храмовъ Божіихъ. Но Николай не внялъ ихъ просьбамъ. «Если и вы, какъ я, сдѣлаетесь католиками, сказалъ онъ имъ, то церкви мои всегда будутъ открыты вамъ; въ противномъ случаѣ, я васъ не знаю, и церквей моихъ не прикажу отворять для васъ; идите куда хотите и дѣлайте, что можете.»

(До слѣдующ. №)

благополучно. Будь и ты здоровъ, сынъ мой!—

Чобанъ вынулъ изъ кармана кисетъ, набилъ маленькую трубку и выбирая щипцами уголекъ въ каминѣ, поглядывалъ въ уголъ, завѣшанный пестрою занавѣской.

«А что тебя давно не было видать? — спросила заботливо старушка.» — Все ли у тебя благополучно?

— Все, все благополучно, отвѣчалъ краснѣя чабанъ. А гдѣ дочь твоя?

«Она, кажется, вышла, вѣрно въ саду сидитъ; позвать?»

Чобанъ кивнулъ головою.

Мусульма вышла. Халиль всталъ, бросилъ трубку, походилъ по избѣ и опять сѣлъ къ огню

Мусульма вернулась, а за нею тихо вошла Селиме и остановилась у дверей.

Чобанъ оглянулся и сдѣлалъ знакъ рукою, чтобъ она подошла поближе; но дѣвушка не трогалась съ мѣста.

«Что ты такая суровая?» тихо спросилъ Халилъ. «Подойди, засмѣйся. Что же ты боишься меня сегодня или сердишься на меня?» Говоря это, онъ подкладывалъ въ потухавшій огонь хворосту, который вдругъ вспыхнулъ и освѣтилъ дѣвушку. Она улыбнулась, замѣтивъ хитрость своего жениха, подошла и сѣла возлѣ матери.

Чобанъ задумался. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, да не зналъ какъ начать Тяжелый вздохъ вырвался у него изъ груди.

«Я хотѣлъ купить себѣ еще овецъ» началъ онъ. «Я еще прошлаго лѣта торговалъ отару у стараго Османа изъ Кучукъ-кой; да онъ, мошенникъ, дорого хотѣлъ тогда; вчера онъ былъ здѣсь, мы и сторговались.»

У Селиме отлегло отъ сердца. «Такъ вотъ зачѣмъ онъ ходилъ къ Осману! Ахъ, проклятая Анфе! Какъ она на него наклепала!» Дѣвушка взглянула на него, взоры ихъ встрѣтились; она вспыхнула и отвернулась.

Чобанъ замолчалъ, сталъ ворочать въ огнѣ своею палкою, не замѣчая, что она обуглилась, — и не зналъ, какъ опять начать разговоръ.

«А что» спросила Мусульма:—«сторговалъ ты садъ у головы, уступилъ онъ тебѣ?» Халиль покраснѣлъ. Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ быстро: — я не сошелся съ нимъ въ цѣнѣ, онъ не уступаетъ. Я пришелъ сегодня за тѣмъ, чтобы сказать вамъ объ этомъ. Свадьбу надо отложить до будущей весны. У меня не станетъ денегъ, чтобы купить садъ, тѣмъ болѣе, что теперь я покупаю овецъ. Вамъ тутъ жить хорошо, еще можно отложить свадьбу на одинъ годъ.

«Твоя воля,» отвѣчала покорно Мусульма. «Ты господинъ, дѣлай какъ знаешь, дѣвка моя еще молода, пусть себѣ еще погуляетъ.»

Чобанъ взглянулъ на Селиме; она была блѣдна и пристально смотрѣла на него. Сердце у него сжалось; онъ замолкъ и сталъ поправлять уголья. Наконецъ онъ опять сказалъ: —Вотъ наступаетъ байрамъ чрезъ два дня; я принесъ Селиме стамбульскіе браслеты и кушакъ. Я хочу, чтобъ моя Селиме была краше всѣхъ въ байрамъ, чтобъ всѣ знали, какъ она дорога мнѣ!

Говоря это, онъ положилъ къ ногамъ своей невѣсты серебряные браслеты, такой-же кушакъ и ожерелье изъ турецкихъ червонцевъ. Но она не брала ихъ. Лице ея внезапно вспыхнуло; она сидѣла, опустивъ глаза; въ сердце ея сладко отозвались слова: я хочу, чтобъ всѣ знали, какъ она дорога мнѣ! Онъ любитъ меня! подумала она и слезы радости и счастія скатились по пылающимъ щекамъ ея. Она была чудно хороша въ эту минуту. Чобанъ пожиралъ ее глазами.

Мусульма ничего не замѣчала, она разсматривала подарки у огня.

Селиме чувствовала взоръ жениха. Она поняла какъ сильно онъ любитъ ее! Она быстро встала, приложила руку къ сердцу въ знакъ благодарности и выскочила за порогъ.

«Глупая дѣвка!» пробормотала Мусульма собирая подарки:—и поблагодарить хорошенько стыдится.»

Чобанъ всталъ, не закурилъ даже трубки, едва слышно сказалъ, что уже поздно, что онъ придетъ завтра—и вышелъ. Онъ заглянулъ въ садикъ. Въ эту минуту луна только-что выплывала изъ за моря и освѣтила серебрянымъ свѣтомъ своимъ Селиме, стоявшую подъ молодой черешней. Халиль тихо подошелъ къ ней, осмотрѣлся, охватилъ одною рукою стройный станъ дѣвушки, а другою приподнялъ головку ея и страстно поцѣловалъ.

Селиме испустила легкій крикъ, вырвалась

спросилъ пожилой татаринъ, кладя ему руку на плечо.

—Да не худо-бы было жениться. Моя жена умерла, да и хорошо сдѣлала—такая хворая была, и дѣтей не оставила. Такъ вотъ я и выбираю себѣ невѣсту; вотъ эта мнѣ больно приглянулась!»

«Ужъ поздно, братъ! Она третій годъ какъ сосватана, да еще за какого молодца!»

—А скоро ихъ свадьба? спросилъ Куртъ-Сеидъ, нахмуривъ брови.

—«Женихъ говорилъ мнѣ вчера, что въ будущую весну.»

—«Какой—любопытный, господинъ пріѣзжій,» сказалъ подходя Халиль. «Видно у васъ дѣвушекъ нѣтъ, что все на нашихъ засматриваетесь.»

—«А тебѣ, что за дѣло! Я не у тебя глаза занялъ, свои хорошо видятъ. Я гость хозяина этого дома, и ему родственникъ прихожусь. Ты чего присталъ, я тебѣ мѣшаю что-ли или мѣсто твое занялъ?»

—«Мѣсто не занялъ» отвѣчалъ сердито Халиль:—но и я здѣсь не чужой и имѣю голосъ. Я не пойду глазѣть на дѣвокъ въ чужую деревню, да и тебѣ не совѣтую, бѣды наживешь!»

—«Ну полно, полно,» вступился старикъ, слыша ихъ крупный разговоръ. «Чего вы заспорили? Да еще подлѣ моего дома. Пойдемъ-ка, гость, лучше ко мнѣ да о дѣлѣ потолкуемъ. Дѣвчата-то видно замѣтили что на нихъ глядятъ—очи потупили и плясать перестали.»—И положивъ руку щеголю на шею, онъ повелъ его къ себѣ въ домъ.

—«Кто это?»—спросилъ Халиль у молодого татрина.

—«Это Куртъ-Сеидъ, изъ Айвасиля. Онъ торговлей занимается, лѣсъ на суда доставляетъ и имѣетъ большіе отары, богатый!»

—«Чортъ съ нимъ, съ его богатствомъ,» ворчалъ Халиль.

—«Чего ты сердишься? Видно что чобанъ—въ горахъ живешь, такъ дикаремъ и смотришь. Ну похвалили твою невѣсту—вѣдь не съѣли-же? Она и неслыхала, чего взъерошился, эка бѣда! Ну женись скорѣе, хвалить перестанутъ.»

Халиль вспыхнулъ. Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди его. Онъ отошелъ прочь, сѣлъ одинъ поодаль и сталъ смотрѣть на пляшущихъ дѣвушекъ.

Во все время праздниковъ Халиль былъ печаленъ, издали слѣдилъ за своею невѣстой, прислушивался къ разговорамъ и всюду искалъ Куртъ-Сеида; наконецъ ему сказали, что тотъ уѣхалъ—и онъ немного поуспокоился.

Каждый вечеръ онъ приходилъ къ невѣстѣ, и всегда приносилъ ей какіе нибудь подарки. Съ нею онъ становился веселѣе, шутилъ, смѣялся и оставался у нихъ долго по вечерамъ. Селиме была счастлива, смѣлѣе теперь разговаривала съ женихомъ своимъ, и одинъ разъ вдругъ спросила у него:

—«А что правда, что у стараго Османа изъ Кучукъ-кой есть три дочки красавицы?»

—«Не знаю красавицы ли онѣ» отвѣчалъ Халиль: «кромѣ моей черноглазой Селиме, мнѣ всѣ дѣвушки постыли. А тебѣ же это кто сказалъ?»

—«Говорятъ!» отвѣчала смѣясь Селиме. «Да еще разсказываютъ, что чобаны на нихъ заглядываются!»

—«Можетъ быть» отвѣчалъ Халиль: «но не тѣ, которые видѣли мою Селиме!» Въ это время Мусульма пошла зачѣмъ-то въ сундукъ и Халиль украдкой сорвалъ поцѣлуй съ румяной щечки своей невѣсты.

Прошелъ байрамъ. Татары занялись обычными работами: кто разсаживалъ табакъ, кто подвязывалъ виноградъ. Женщины принялись за пряжу. Дѣвушки вышивали въ пяльцахъ платки и полотенца. Селиме, которой приданое уже было готово, начала вышивать себѣ кисейное покрывало шелками и золотомъ.

Чобаны собирались въ горы. Халиль наканунѣ долго сидѣлъ у своей невѣсты—онъ былъ очень веселъ. Она подарила ему новый кисетъ, а онъ надѣлъ ей на шею красивыя бусы, купленныя у прохожаго разнощика. Онъ обѣщалъ придти къ байраму, который долженъ былъ быть среди лѣта. На прощанье онъ крѣпко поцѣловалъ Селиме, и она, тайно отъ матери, осмѣлилась, въ первый разъ отплатить ему тѣмъ-же. Они разстались счастливыми.

Рано утромъ, чобаны собрали свои отары, запасшись провизіей и солью для овецъ, и отправились на Яйлу, гдѣ ожидали ихъ зеленые

леные холмы, равнины. Ни однаго деревца нигдѣ, кое-гдѣ торчали голыя скалы; вдали синѣло море и зеленѣли берега его. Волновались лѣсистые горы и пестрѣли деревеньки.

Принялись чобаны за хозяйство. Окружными дорогами, привезено было на маджарахъ все, что нужно; бочки для катыка, чаны для кипяченія молока и кое-какая посуда. Чобаны торопливо поправляли развалившіеся отъ снѣговъ прошлогодніе шалаши свои. Разводили огни, и изъ глубокихъ пещеръ принесенъ былъ снѣгъ.

Когда всѣ приготовленія были окончены, пришли къ нимъ чобаны сосѣднихъ деревень, съ своими отарами и начался пиръ и пляски подъ звуки *зурны;* (**) пѣсни и веселье длились далеко за полночь. Когда отпраздновали новоселье и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ,— взгрустнулось Халилю по невѣстѣ; онъ взошелъ на высокую скалу, съ которой виднѣлся Аюдагъ и окрестные лѣса, а между ними серебрилась рѣчка, близъ которой жила его милая Селиме. Онъ долго глядѣлъ въ ту сторону.

«Загубила ты меня, черноглазая овечка» сказалъ онъ со вздохомъ. «Не тотъ я сталъ! Здѣсь, на раздольныхъ зеленыхъ лугахъ сердце по тебѣ тоскуетъ! А сойду въ деревню, тоскую по горамъ и по волѣ. Горе мнѣ! Разстаться жаль съ отарой и со свободою, и тяжко жить безъ тебя, моя чернобровая!

И долго сидѣлъ онъ на скалѣ, раздумывая— кто ему милѣе: горы и свобода, или его Селиме? И не замѣтилъ онъ, что трубка его давно погасла и что солнце уже послѣдними лучами своими освѣщало окраины горъ.

—Приколдовала тебя дѣвка, — говорилъ ему Муратъ, замѣтивъ грусть на лицѣ товарища. —Ой, не быть тебѣ долго чобаномъ! Смотри, Халиль, скоро ты покинешь насъ!

«Нѣтъ!» отвѣчалъ Халиль: «не кину я васъ, я рѣшился оставаться женихомъ еще года три, и до того отары не брошу. А тамъ уже—будь что будетъ. По васъ я тосковалъ больше. Зимою хорошо—и дѣвку вижу и съ вами не разстаюсь; только лѣтомъ тоска по ней, но лѣто проходитъ скоро. Мать, старуха добрая, перекорить не будетъ; а вѣдь у насъ часто дѣвки лѣтъ пять, шесть при матери живутъ. Такъ я рѣшилъ, такъ и будетъ.»

—Ну вспомни меня, — возражалъ ему Муратъ: — не вернешься ты сюда на будущее лѣто, не пировать намъ съ тобою еще новоселья, на Яйлѣ!

«Врешь, вернусь!» говорилъ съ досадою Халиль.

Но время проходило. Наступилъ *Курбанъ-байрамъ* (*). Халиль сталъ собираться въ деревню.

—Не ходи! — говорилъ ему Муратъ: — она тебя въ конецъ околдуетъ, твоя черноглазая чертовка.

Но Халиль не слушалъ его, все увѣрялъ, что еще года три будетъ чобаномъ, и раньше ни за что не покинетъ отары.

Таковъ обычай у горскихъ татаръ, что чобаномъ можетъ быть только холостой; женившись, чобанъ сдаетъ свою отару и долженъ уже заняться домашнимъ хозяйствомъ. Этотъ-то обычай такъ и страшилъ Халиля.

Въ первый день байрама, съ разсвѣтомъ ушелъ онъ отъ своей отары. Чобаны ходятъ по горамъ чрезвычайно легко и скоро; вечеромъ Халиль, уже разряженный, прохаживался по своей родной деревнѣ, гдѣ опять гремѣла музыка и опять раздавалось пѣніе. Дѣвушки, по обыкновенію, весело плясали на крышахъ домовъ своихъ, или на дворѣ. Халиль скоро замѣтилъ свою невѣсту; и она должно быть его увидѣла, потому что покраснѣла и опустила глаза. Халиль издали любовался ею, вмѣшавшись въ толпу. Вдругъ онъ увидѣлъ щеголя Куртъ-Сеида изъ Айвасиля; тотъ важно сидѣлъ на обрубкѣ дерева, передъ домомъ на которомъ прохаживалась съ подругами Селиме. Громко разговаривая съ татарами и искоса поглядывая на дѣвушекъ, онъ разсказывалъ хвастливо что былъ въ Ахмечети (**) и купилъ себѣ пару такихъ лошадей, какихъ во всемъ Крыму не найдешь. Халиль злобно слѣдилъ за нимъ,

(*) Инструментъ, въ грубомъ видѣ напоминающій кларнетъ.

(*) Праздникъ жертвоприношеній; бываетъ обыкновенно 60 дней спустя послѣ перваго байрама. Въ это время рѣжутъ барановъ и раздаютъ бѣднымъ.

(**) Симферополь.

вый разъ говоритъ мнѣ это, я только разсказать позабывала.

«Проклятая баба!» проворчалъ Халиль.

Въ это время кто-то свиснулъ. Чобанъ поспѣшно всталъ, простился и вышелъ.

—Что съ нимъ сегодня?—сказала Мусульма. —Точно его кто сглазилъ. Въ лицѣ все мѣняется, самъ не свой.

Селиме не отвѣчала, но ей было грустно.

Когда Халиль выходилъ, онъ шепотомъ сказалъ Мусульмѣ, которая провожала его:

«Затвори, матушка, покрѣпче дверь свою, говорятъ, нынче воры ходятъ.»

За плетнемъ, у сосѣдняго дома стояли его товарищи; они размѣстились вдоль плетня, присѣвъ подъ кустарниками, такъ что нельзя было подойти къ двери Селиме, не пройдя мимо нихъ. Они стояли молча, въ ожиданіи враговъ. Въ деревнѣ все стихло; только кое-гдѣ былъ слышанъ лай сабакъ.

Вдругъ они увидѣли, что по рѣчкѣ тихо проѣхало нѣсколько всадниковъ, которые сошли съ лошадей, привязали ихъ къ дереву; одинъ изъ нихъ остался стеречь лошадей, а остальные четверо пошли къ дому Селиме и остановились у плетня, за которымъ скрывались Халиль и его товарищи.

Въ это время вышла старуха изъ за угла, подошла къ дверямъ Мусульмы и начала стучаться.

—Кто тамъ? — спросила Мусульма за дверью.

«Впусти меня, Мусульма!» кричала Анфе, «мнѣ очень нужно переговорить съ тобою.»

Куртъ-Сеидъ стоялъ за старухой и уже сдѣлалъ знакъ товарищамъ, чтобы они приблизились; но едва тѣ подошли къ нему, какъ на нихъ посыпались камни и Халиль напалъ на Куртъ-Сеида; товарищи его бросились на остальныхъ. Началась схватка.

Анфе все кричала, чтобъ отворили ей двери; но Халиль, услышавъ, что Мусульма уже шевелитъ задвижкой, громко закричалъ ей:

—Не отворяй, не отворяй, матушка! Береги дочь!

На шумъ сбѣжались нѣсколько постороннихъ татаръ; завязалась страшная драка. Куртъ-Сеидъ отчаянно защищался; но Халиль, какъ дѣтина гораздо сильнѣе его и ловче, наносилъ ему такіе мѣткіе удары, что плохо бы было его противнику, если бы товарищи не остановили разсвирѣпѣвшаго чобана. Сообщники Куртъ-Сеида, также порядочно избытые, посадили его чуть живаго на лошадь, и быстро ускакали съ нимъ, провожаемые проклятіями и ругательствами.

Когда все утихло, Халиль сталъ стучаться въ дверь Мусульмы; но старуха съ дочерью были до того перепуганы, что едва рѣшились отворить ему. Онъ разсказалъ Мусульмѣ все, что случилось, и успокоивъ ее, просилъ покрѣпче запирать двери и ложиться спать спокойно. А самъ пошелъ къ товарищамъ и поблагодарилъ ихъ отъ всей души за помощь.

—Не бойсь, говорилъ Булатъ, — теперь Куртъ-Сеидъ и черезъ годъ не покажется въ нашей деревнѣ! Да и спины-то онъ скоро не разогнетъ; ты его порядкомъ поподчивалъ.

«Еслибъ не вы,» отвѣчалъ Халиль, «врядъ бы ему живому остаться!»

—Да, дай тебѣ волю, а потомъ развѣдывайся! А теперь, что онъ возметъ? Невѣста твоя у него изъ подъ носа ушла, да еще шишекъ сколько на носу-то, я думаю, вскочило.

На другой день вся деревня только и толковала о томъ, какъ славно поколотили Куртъ-Сеида за то, что онъ хотѣлъ украсть невѣсту чобана. Вечеромъ Халиль пришелъ къ своей Селиме и разсказалъ ей всѣ подробности происшествія прошлой ночи; и тутъ же рѣшилъ, что какъ только спустятся съ горъ отары, онъ разсчитается съ хозяевами, сдастъ свою отару и сыграетъ свадьбу. А для того, чтобы кто-либо снова не рѣшился украсть его невѣсту, онъ, подъ предлогомъ перестройки ея дома, попросилъ эфенди, который приходился ему съ родни, взять къ себѣ Селиме съ матерью; за что онъ обѣщалъ хорошо заплатить ему. Старой Анфе онъ сказалъ, что если она осмѣлится еще разъ говорить съ его невѣстой, или станетъ затѣвать опять какія нибудь козни, то онъ выбьетъ ей послѣдніе ея зубы.

Возвратившись на Яйлу, Халиль не радовался болѣе ни своей свободѣ, ни разгульной жизни въ горахъ; сонъ его никогда не былъ покоенъ: все ему снилось, что крадутъ его невѣсту. Нѣсколько разъ спускался онъ съ горъ

— Въ *Экон. Указ.* помѣщено: *Одесск. Вѣстн.* передаетъ слухъ, что уѣзднымъ городомъ вмѣсто *Ялты*, назначается *Балаклава*. Дѣйствительно послѣдняя имѣетъ передъ первою нѣкоторыя преимущества: Балаклава обладаетъ превосходною бухтою, имѣетъ до 1500 дес. городской земли и 30 т. капитала; въ ней достаточное число казенныхъ зданій.

— Въ *Кишиневѣ* 20 мая открыто телеграфическое сообщеніе. — Телеграфное управленіе объявило, что на станціяхъ: въ Мелитополѣ Бердянскѣ, Ростовѣ, Таганрогѣ и Новочеркаскѣ допущена корреспонденція съ заграницею, на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Во всѣхъ газетахъ припечатано объявленіе отъ *государственнаго коммерческаго банка*, что имъ заготовлено уже значительная часть государственныхъ *пяти-процентныхъ* билетовъ, выдача которыхъ началась съ 17 мая. При этомъ распубликована и *форма* билетовъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, на пріобрѣтеніе 5% билетовъ затрачена сумма въ 250 милліоновъ рублей.

— Въ 16 № *Акціонера* напечатано, что «возникъ проэктъ о перемѣнѣ наружной формы нашихъ кредитныхъ билетовъ. При помощи фотографіи нынѣшнія бумажки поддѣлываются очень ловко, такъ что необходимо пришлось подумать о чемъ-нибудь новомъ, болѣе трудномъ. Говорятъ, что задача эта разрѣшена удовлетворительно, и новыя ассигнаціи, недоступныя свѣтописи, будутъ чрезвычайно красивы. На мелкихъ изобразится памятникъ Минину и Пожарскому.» *Одесск. Вѣстн.* сообщаетъ тоже: Образцы новыхъ бумажныхъ денегъ утверждены; цвѣта останутся тѣ же, что были; но измѣненъ будетъ только рисунокъ билетовъ.

ОБОЗРѢНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ СОБЫТІЙ ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКИ

(28 мая)

Италія снова начинаетъ волноваться. Возстаніе въ Сициліи, о которомъ мы упомянули въ прошломъ обозрѣніи, день отъ дня принимало большіе размѣры и становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ, несмотря на офиціяльныя извѣстія изъ Неаполя, что возстаніе подавлено и порядокъ въ Сициліи возстановленъ, тогда какъ онъ тамъ далеко не былъ возстановленъ. Никто ни въ Сициліи, ни въ Неаполѣ не хочетъ и не можетъ болѣе выносить равнодушно и спокойно положенія дѣлъ, созданнаго настойчивостію неаполитанскаго короля, *Франциска II*, воспитаннаго іезуитами, который и слышать не хочетъ о справедливыхъ уступкахъ требованіямъ народа.

Сициліянское возстаніе превратилось теперь въ открытую революцію. Взрывъ давно подготовлялся. Возстаніе, какъ видно, было глубоко задумано. Въ немъ принимаетъ живое участіе почти вся аристократія острова. Внуки перваго министра, принца Коссаро стояли во главѣ возстанія. Оно встрѣтило полное сочувствіе во всѣхъ классахъ народа, не исключая и духовенства, которое въ возстаніе въ Полермо играетъ главную роль. Монахи лежащаго около Полермо францисканскаго монастыря явились наиболѣе дѣятельными и энергическими участниками движенія. Въ монастырь было ввезено тайно большое количество пороху и разнаго оружія — и въ 5 часовъ утра, въ среду на святой недѣлѣ, монастырскій колоколъ подалъ первый сигналъ къ возстанію. Многолѣтній гнетъ, іезуитское управленіе, преслѣдованія и казни заставила сицильянцевъ возстать всею массою противъ притѣснителей, съ тою силою и энергіей, на какія способны жители юга. И потому, люди всѣхъ званій и состояній приняли участіе въ движеніи.

Въ одно время съ возстаніемъ въ Палермо обнаружилось возстаніе въ Мессинѣ, Трапани и другихъ городахъ острова. Палермскіе инсургенты, въ первой аттакѣ, были разбиты королевскими войсками. Но они разсѣялись въ окрестностяхъ города, по деревнямъ и селамъ, гдѣ нашли самый радушный пріемъ у жителей, и гдѣ преслѣдованіе отдѣльныхъ группъ непріятеля, среди гористой мѣстности, оказалось затруднительнымъ для королевскихъ войскъ. Наконецъ палермскій гарнизонъ, получивъ подкрѣпленіе, успѣлъ оттиснуть либераловъ внутрь острова. Хотя возстаніе этимъ нисколько не было подавлено, хотя то тамъ, то здѣсь безпрерывно обнаруживались новые вспышки, хотя сицильянцы все еще не покорялись, но можно было предвидѣть, что они должны будутъ уступить наконецъ матеріяльной силѣ т. е. огромному количеству дисциплинированнаго неаполитанскаго войска. «Регулярное войско—это могучая машина» — замѣчаетъ англійская газета Times въ статьѣ объ экспедиціи Гарибальди. «Не было почти примѣра въ исторіи, чтобы возставшій народъ могъ сопротивляться хорошо организованной военной силѣ, безъ чьей-либо посторонней помощи.» Эту помощь принесъ возставшимъ сицилійцамъ генералъ *Гарибальди*. Съ появленіемъ въ Сициліи его волонтеровъ, дѣло возстанія приняло другой оборотъ. Знаменитый герой 1848 года, теперь горячо преданный Пьемонту, появлялся всегда и вездѣ, гдѣ только шла борьба за независимость Италіи. Постоянно мечтающій объ одномъ, о независимости и единствѣ Италіи, посвятившій этой идеи лучшіе годы своей жизни, Гарибальди не могъ неявиться въ Сициліи, гдѣ его братья сражаются за ту-же самую идею. И потому, его нельзя судить въ

произведенное гарибальдіевскою высадкою на Италію, было весьма сильно. Вслѣдъ за высадкой, кромѣ возстанія на островѣ, вспыхнуло возмущеніе и на материкѣ королевства Обѣихъ Сицилій — въ *Калибріи* (противъ Сициліи) и даже въ *Абруццо*, гористой странѣ, гдѣ находятся высочайшія вершины Апениновъ. Извѣстіе о первомъ пораженіи королевскихъ войскъ произвело весьма сильное вліяніе на Неаполь, гдѣ 15 ч. обнаружилось большое волненіе въ народѣ: и дворъ и правительство были въ движеніи. Опасаются, что волненіе въ неаполитанскомъ королевствѣ отзовется и въ римскихъ владѣніяхъ.—Гарибальди лишь только сѣлъ на корабли, отправился не прямо въ Сицилію; чтобы обмануть преслѣдовавшіе его суда, онъ присталъ къ *Тальмона* (въ Калибріи), укрѣпленное мѣсто на границахъ папскихъ владѣній. Отсюда онъ послалъ свои прокламаціи, призывая итальянцевъ къ оружію. Участіе въ замыслахъ Гарибальди приписываютъ и сардинскому правительству. Но графъ *Кавуръ* офиціяльно опровергъ это обвиненіе. Онъ извѣщалъ нѣсколько разъ французское правительство, что Пьемонтъ также какъ и Франція не одобряетъ экспедиціи Гарибальди; но воспрепятствовать этой экспедиціи сардинское правительство не могло. Гарибальди пользуется всеобщимъ сочувствіемъ въ сѣверной и средней Италіи, особенно же сочувствіемъ войска. Англійская журналистика высказываетъ большое сочувствіе къ Гарибальди и къ сицилійской экспедиціи, и сочувствіе это находитъ живой отголосокъ во всемъ населеніи Англіи. Заподазриваютъ, что у англичанъ тутъ есть свои задніе мысли и желанія: тѣсная дружба съ Сициліей усилитъ значеніе Англіи на Средиземномъ морѣ. Даже обвиняли Англію, подобно Сардиніи, что она способствуетъ смутамъ на югѣ Италіи. Безъ сомнѣнія обвинители заходятъ въ этомъ слишкомъ далеко. Министерская газета *Morning Post* положительно отвергаетъ и это обвиненіе и участіе Сардиніи въ сицилійскомъ возстаніи, и говоритъ, что ходъ событій самъ по себѣ внушилъ сицильянцамъ мысль о присоединеніи къ Пьемонту. Органъ Лорда Пальмерстона выражаетъ сожалѣніе, что молодой неаполитанскій король не послѣдовалъ совѣтамъ иностранныхъ державъ и своего дяди, герцога *Сиракузскаго* относительно перемѣны системы внутренняго управленія въ своемъ королевствѣ, и этимъ успѣлъ только возстановить противъ себя храбрый народъ свой. *Morning Post* предвидитъ, что сынъ *Фердинанда Бурбона* увеличитъ собою число изгнанниковъ королевскихъ фамилій и эксъ-королей Италіи. Изъ Англіи отправилось въ Сицилію много волонтеровъ къ отряду Гарибальди. Между ними кромѣ итальянцевъ, есть много нѣмцевъ, венгровъ, французовъ и даже нѣсколько англичанъ. Тамъ же открыта денежная подписка для вспоможенія отряду Гарибальди. Подписка въ пользу солдатъ соединенной Италіи не запрещена и во Франціи; запрещено только обнародовать имена подписчиковъ.

Итакъ, вопросъ объ Италіи опять сталъ занимать всѣ умы Европы, опять становится на первомъ планѣ. И опять громъ оружій и военные клики оглашаютъ эту прекрасную страну, и опять ея благородные сыны своею кровію орашаютъ родныя поля! И Богъ знаетъ когда и чѣмъ это можетъ окончится? «Мы слишкомъ опасаемся за успѣхъ сицилійскаго возстанія» — замѣчаетъ *Times* въ статьѣ, о которой мы упомянули. «Но что всего хуже, такъ это то, что оно подаетъ поводъ Австріи и Франціи къ новому вмѣшательству въ дѣла Италіи. Что касается до видовъ первой изъ этихъ державъ, въ настоящее время ихъ трудно предугадать; несомнѣнно однако, что теперешнее положеніе неаполитанскаго королевства угрожаетъ еще большею запутанностію европейскимъ дѣламъ.»

СМѢСЬ.

Ѳеодосія. 19 іюня. *Городская жизнь.—Желѣзная дорога.—Переселеніе татаръ.* Крымскіе портовые города, какъ и все побережье Чернаго и Азовскаго морей, жили всегда внѣшнею торговлею. Такъ было въ древнія времена, такъ и теперь. Тѣ благодатныя пристанища Крыма, въ которыхъ гнѣздилась торговля древняго міра, утратили давно свой блескъ и свое міровое значеніе, какими они славились когда-то; но все же внѣшняя торговля питаетъ до сихъ поръ и Керчь и Ѳеодосію и Евпаторію, хотя, правду сказать, весьма скудно питаетъ. Внѣшняя торговля быстро зараждалась на нашемъ побережьи, быстро возносила извѣстные пункты его на высокую степень благосостоянія — и также быстро потомъ убивала въ нихъ, иной разъ, и всякій слѣдъ жизни не только характеръ той кипучей дѣятельности человѣка, который сообщаетъ ему торговля вообще.

Заглянетъ-ли опять въ нынѣшнюю Ѳеодосію внѣшняя торговля въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она развивалась въ Ѳеодосіи греческой и въ Кафѣ генуэзской?— Любопытный вопросъ, на который конечно могутъ отвѣтить только время и обстоятельства. Ѳеодосійская желѣзная дорога, предметъ надеждъ и ожиданій не для одной только Ѳеодосіи,—вотъ жизненный залогъ ея бу-

заселится? Не легкое дѣло двѣсти-тысячное населеніе края замѣнить новымъ. И потомъ—*кѣмъ* замѣнить? Кто, напримѣръ, займетъ степное пространство между Ѳеодосіей и Керчью, между Чонгарами и Арабатомъ? Кто займетъ эти солончаковыя степи по берегамъ Сиваша? Здѣсь нѣтъ ни рѣчекъ, ни ключей, ни колодцевъ, здѣсь отвратительную воду изъ т. н. *аутовъ* могутъ пить одни только, привыкающіе къ тому съ дѣтства, степные татары. (*Ауты*—это небольшія, вырѣтыя въ степи озера или ямы, въ которыхъ собирается и застаивается дождевая вода). «Солончаковыя степи, говоритъ г. Раде (*Ботанич. физіон. Крым. Полуострова*) самыя безплодныя и необработанныя; недостатокъ годной къ питью воды дѣлаетъ ихъ къ населенію неудобными. Домашній скотъ, исключая однихъ верблюдовъ, не трогаетъ ни одного растенія на солонцахъ; и вся хозяйственная польза ихъ состоитъ единственно въ прокормленіи этихъ умѣренныхъ животныхъ. Они одни остаются на здѣшнихъ степяхъ, до перваго снѣга, бродя по нимъ по одиночкѣ безъ пастуховъ» Новое населеніе не осядется на этихъ степныхъ пространствахъ и послѣ третьяго поколѣнія.

Въ извѣстіяхъ изъ Крыма, помѣщенныхъ въ 60 № *Одесск. Вѣстн.*, весьма вѣрно указано какъ трудно замѣнить въ горной части Крыма и на южномъ берегу горскаго татарина другимъ рабочимъ. Но не только рабочіе изъ равнинныхъ мѣстъ,—самый скотъ и лошади, приведенные изъ другихъ частей Россій, окажутся въ крымскихъ горахъ совершенно непригодными.

Татарская лѣнь — это выраженіе сдѣлалось у насъ ходячимъ, вошло въ поговорку. Но насколько въ немъ истины—это еще вопросъ. Едва-ли татаринъ не работаетъ въ теченіи года столько-же (если еще не больше) сколько и другой какой-бы то ни было рабочій. У татарина нѣтъ во первыхъ такого множества праздниковъ въ году, какъ у насъ; во-вторыхъ татаринъ трезвъ: пьянство между мусульманами составляетъ весьма рѣдкое исключеніе; и потому гульба и прогуливаніе рабочихъ дней—у нихъ не бывалое дѣло. Степной татаринъ круглый годъ работаетъ въ полѣ, *въ потѣ лица своего*, какъ и всякій другой земледѣлецъ. Говорятъ, что онъ служилъ доселѣ помѣхой раціональному способу хозяйству въ Крыму. Но чѣмъ лучше, хотѣли-бы мы знать, крестьянское хозяйство по сосѣдству съ татарами не только въ таврической, но, напримѣръ, хоть въ херсонской губерніи или въ бессарабской области?—Иниціатива всѣхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній не могла идти отъ народа — ни въ крымскихъ, ни въ другихъ степныхъ хозяйствахъ юга, будь тамъ татары или русскіе, все равно. Это, кажется, не требуетъ доказательствъ. Но при иныхъ отношеніяхъ, при другой обстановкѣ—и степной татаринъ навѣрное сталъ-бы столь-же хорошимъ земледѣльцемъ, какъ и всякій другой.

Какъ-бы то ни было, если выселеніе татаръ изъ Крыма грозитъ краю хотя временными бѣдствіями, то и это уже такой вопросъ, о которомъ стоитъ подумать. Многія хозяйства уже теперь, когда ушла только одна часть татаръ, страшно страдаютъ. На мѣсто ушедшихъ новыхъ рабочихъ рукъ къ намъ не явилось: *косарь*, напримѣръ, получаетъ теперь здѣсь 1 р. с. и болѣе въ день, на хозяйскихъ харчахъ, и какъ говорятъ, большая часть сѣнокосныхъ полей, при рѣдкомъ уражаѣ травъ нынѣшняго года, останутся не выкошенными. Хлѣба дозрѣли, а съемщиковъ или нѣтъ вовсе или они страшно дороги: многіе даютъ третій снопъ — и на это условіе не находится охотниковъ. Все это грозитъ краю въ будущемъ страшной дороговизной и хлѣба и сѣна.

Горскіе татары еще не трогались массами и цѣлыми деревнями, подобно степнымъ; имъ это не такъ легко, такъ какъ почти каждый изъ нихъ владѣетъ въ собственность либо фруктовымъ садомъ и небольшимъ виноградникомъ, либо отдѣльными участками земли. Они уходятъ пока только небольшими партіями, но всѣ безъ исключенія готовятся къ выселенію. Что тогда станется со всѣми садами и виноградниками горныхъ мѣстъ и южнаго берега, гдѣ имѣть рабочихъ еще труднѣе, нежели въ степяхъ? Обработка садовъ въ горахъ требуетъ опытности и большаго навыка, и новымъ рабочимъ, которые еще Богъ вѣсть когда прійдутъ въ Крымъ, прійдется долго учиться, пока они станутъ полезными для края. А до того времени что будутъ дѣлать небогатые владѣльцы садовъ и виноградниковъ, которыхъ здѣсь не мало и для которыхъ ихъ виноградники составляютъ единственное средство къ существованію?

Печатать позволяется: Одесса, 22 Іюля 1860 года. Цензоръ *Д. Синицынъ*.

Печатано въ типографіи армянскаго халибовскаго училища.

ства должны они предъявлять въ Правленіе Института по пріѣздѣ въ Москву. Безъ этихъ свидѣтельствъ никто не имѣетъ права на поступленіе въ число безплатныхъ воспитанниковъ Института.

5. Вызванные кандидаты въ безплатные воспитанники упомянутыхъ трехъ разрядовъ, по прибытіи въ Москву, не иначе могутъ быть приняты въ Институтъ, какъ по ручательству въ Москвѣ находящагося лица —родственника или знакомаго — письменно обязавшагося принять его обратно въ случаѣ увольненія изъ Института по причинамъ уважительнымъ до окончанія курса ученія.

6. На отъѣздъ увольняемымъ изъ Института безплатнымъ воспитанникамъ до окончанія ученія, равно и кончившимъ въ ономъ полный курсъ ученія не выдается никакого денежнаго пособія. И потому

7. При опредѣленіи ихъ въ Институтъ родители или родственники должны вмѣстѣ съ прочими документами представлять также письменное обязательство, что въ случаѣ увольненія ихъ дѣтей или родственниковъ изъ Института послѣ и до окончанія полнаго курса ученія по какимъ либо причинамъ, они, родители или родственники, принимаютъ на себя путевыя издержки; а желающіе помѣстить въ Духовное Отдѣленіе сверхъ того должны представить обязательство, что они ни въ какомъ случаѣ не будутъ утруждать Начальство Института просьбами объ освобожденіи дѣтей или родственниковъ ихъ отъ службы при Армяно-Григоріанскихъ церквахъ, семинаріяхъ или консисторіяхъ.

8. Въ безплатные Лазаревскіе воспитанники принимаются преимущественно дѣти изъ бѣдныхъ *дворянскихъ* армянскихъ фамилій.